

КУСТОДИЕВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ

Борис Кустодиев (1903)

Два последних года обложки нашего журнала украшали картины великого русского художника Бориса Михайловича Кустодиева. Гордость российской живописи, он известен и любим во всем мире. Несомненным признанием его величайшего таланта является и то, что он, наряду с Орестом Кипренским и Иваном Айвазовским, является одним из трех русских живописцев, чьи прижизненные автопортреты были размещены в знаменитой галерее Уффици (Флоренция, Италия). Но не все знают, что его творчество и жизнь имели самое непосредственное отношение к хирургии позвоночника. Последние 15 из 49 лет жизни он был парализован, прикован к инвалидной коляске и привязан к хирургическим клиникам. И чем тяжелее были его страдания, тем веселее, ярче и солнечнее были его картины.

Б.М. Кустодиев родился 7 марта (по старому стилю 23 февраля) 1878 г. в Астрахани, где его отец преподавал в духовной семинарии. В семье, кроме него, было еще трое детей. Отец умер, когда мальчику было 2 года, мать зарабатывала вышиванием на заказ и играла на рояле в домах местных купцов по праздникам. С детства Борис проявлял интерес к живописи, брал уроки рисования, учился в Астраханском кружке любителей живописи и рисования. В 1896 г. Кустодиев поступил в Высшее художественное училище при Императорской академии художеств, где обучался у В.Е. Савинского, затем стал учеником И.Е. Репина. Принимал участие в международных выставках, окончил учебу с золотой медалью.

Первые признаки болезни дали о себе знать в 1909 г., когда Кустодиеву было 30 лет. Неожиданно появились боли в руке, которые художник объяснял переутомлением. Но боли в руке и шее усиливались, уже через год он пишет: «Страдаю очень, особенно по утрам. Подлая рука моя болит вовсе и вместо улучшения – с каждым днем чувствую себя все хуже и хуже». К болям, лишаящим сна, прибавляются головные боли со рвотой. Иногда приходилось по несколько дней лежать, закутав голову теплым платком. Боль заставляет его обратиться за консультацией к петербургскому неврологу, профессору Эрнесту Августовичу Гизе. «Вчера был у доктора Гизе... Смотрел целый час – нашел невралгию правой руки и посоветовал сделать рентгеновский снимок ... плеча и шеи, чтобы узнать, нет ли какой внутренней причины этой страшной боли». Художнику рекомендовали на время воздержаться от его деятельности, что стоило ему немалых душевных усилий. В письмах своему другу И.А. Рязановскому Кустодиев писал, что врачи расходятся в диагнозах, что петербургский профессор Яновский предположил наличие туберкулеза позвоночника с учетом вероятного поражения лимфатических узлов и перенесенного легочного заболевания (первичный туберкулезный комплекс). Художник со своей семьей отправляется на лечение в Швейцарию в частную клинику известного фтизиатра, почетного члена медицинских обществ Швейцарии, Англии и Франции Огюста Ролье, где у Кустодиева диагностируют туберкулез шейного отдела позвоночника. Кажется, что высказанное в Петербурге предположение подтверждается и появляется надежда на исцеление основными средствами лечения туберкулеза того времени – солнечным светом и свежим воздухом. Лечение солнечными ваннами и ношение корсета для разгрузки шейного отдела позвоночника позволяют вернуться в Петербург, затем повторно пройти лечение в Швейцарии. Но долгие месяцы терапии ожидаемого улучшения не принесли, художник начал разочаровываться в лечении. Вернувшись в Петербург, Кустодиев вновь обращается к местным врачам, но они, как и прежде, советуют лишь дать покой руке. Почти год художник проводит с семьей на морском побережье недалеко от Канн, улучшения не наступает. На пути домой Кустодиев останавливается в Берлине, где обращается за консультацией к знаменитому невропатологу Герману Оппенгейму, наиболее известному своими трудами по вопросам сифилиса центральной

Б.М. Кустодиев

нервной системы, энцефалитов, полиневритов, опухолей головного и спинного мозга. После тщательного обследования профессор Г. Оппенгейм делает неожиданное заключение: «У вас никогда никакого костного туберкулеза не было. Снимите корсет. У вас заболевание спинного мозга, видимо, опухоль в нем, нужна операция. Отвезите детей домой и возвращайтесь в Берлин в клинику». После почти двух лет надежд, подогреваемых швейцарским солнцем, эти слова звучат как гром среди ясного неба. Правда, после операции обещают полное выздоровление. А пока от болей он не может спать, но предупреждает друзей: «Не говорите о моей болезни никому – а, напротив, что я здоров, а главное весел, впрочем, это правда, несмотря на ужасные боли, – я сам удивляюсь на свою жизнеспособность и даже жизнерадостность. Уж очень люблю, видимо, жить!» Друг Кустодиева М.В. Добужинский писал: «В 1913 г., осенью, я получил открытку от Кустодиева из Берлина: “Завтра ложусь под нож – будет операция, и я не знаю, останусь ли жив. Сегодня иду в Kaiser Fridrich Museum насладиться, может быть, последний раз Веласкесом и нашим любимым Вермеером”».

Операцию провели в ноябре 1913 г. В письме актеру и режиссеру Художественного театра В.В. Лужскому жена Кустодиева писала, что художнику вскрыли два первых грудных позвонка и было найдено скопление жидкости, как и предполагал проф. Оппенгейм, под оболочкой мозга. После первой операции в Берлине наступило некоторое улучшение, хотя восстановление шло довольно медленно. «Здоровье мое довольно сносно теперь, рука не болит, немного работаю. Только после операции, которая была в ноябре, еще не наладилось ... с ногами, неважно ходят. Все больше с палочкой хожу, по-стариковски», – пишет художник в конце мая 1913 г. одному из своих друзей.

Врачи предупредили Кустодиева о возможности повторной операции, возможно, потому что не удалось полностью удалить опухоль. Из воспоминаний М. Добужинского: «Операция была страшная. Два года он очень страдал от таинственных болей шеи и рук, провел почти год в горах, в швейцарском санатории, на подлинном прокрустовом ложе, где ему варварски вытягивали шею, – и все напрасно. Но операция удалась – о ней писали в медицинских журналах: надо было вскрыть шейный позвонок и удалить опухоль на спинном мозге. Но все эти мучения были лишь началом страдания во всю его остальную жизнь – все последующие шестнадцать лет, потому что были еще две операции, такие же жестокие, и последняя привела к тому, что он был спасен для душевной жизни, но пришлось в силу каких-то хирургических соображений пожертвовать ногами, и, полупарализованный, он был уже пригвожден к креслу до конца жизни».

В обстановке всеобщей мобилизации в связи с началом в августе 1914 г. Первой мировой войны Кустодиев получает медицинское свидетельство, в котором говорится, что «...академик живописи Борис Михайлович Кустодиев страдал опухолью спинного мозга, подвергся по этому поводу операции в Берлине (проф. Краузе), но до сих пор страдает заболеваниями спинного мозга и поэтому совершенно непригоден к военной службе». Несмотря на свой тяжелый недуг, он продолжает творить, в этот период из-под его кисти выходят картины «Красавица», «Девушка на Волге», серия картин «Масленица». В марте 1916 г. Кустодиеву предстоит повторное оперативное вмешательство. На этот раз его оперирует профессор Лев Андреевич Стуккей в клинике Общества сестер милосердия имени Кауфмана. Некоторые подробности операции приводит дочь художника: «Дали общий наркоз на пять часов. Мама ждет в коридоре... Наконец профессор Цейдлер вышел сам и сказал, что обнаружен темный кусочек чего-то в самом веществе спинного мозга ближе к груди, возможно, придется перерезать нервы, чтобы добраться до опухоли, нужно решать, что сохранить больному – руки или ноги. «Руки оставьте, руки! – умоляла мама. – Художник – без рук! Он жить не сможет». Несмотря на усилия врачей и веру в лучшее самого Кустодиева, после повторной операции у него развился необратимый нижний паралич. По словам самого художника, «жизненное пространство сузилось

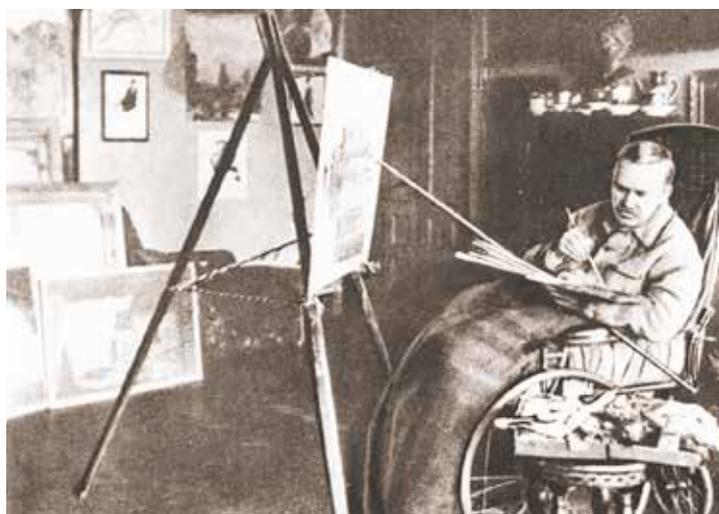
Б.М. Кустодиев с женой Юлией (1903)

Портрет жены Ю. Кустодиевой (1903)

до четырех стен мастерской и оконной рамы, за которой синел купол церкви, а по тротуару шаркала толпа куда-то спешащих петербургских прохожих. Миром стала моя комната». Но при этом «картины в моей голове сменяются, как кино». В клинике Кауфманской общины художника посещали «видения» или озарения, ставшие прообразами «Купчихи», «Венеры», «Девушки на Волге». Прикованный к постели, художник пишет своей жене, Юлии Евстафьевне: «Несмотря на все, я иногда удивляюсь еще своей беспечности и какой-то, где-то внутри лежащей, несмотря ни на что, радости жизни — просто вот рад тому, что живу, вижу голубое небо и горы — и за это спасибо».

В декабре 1923 г. Кустодиеву провели третью операцию по удалению опухоли позвоночного канала, для которой был приглашен немецкий профессор О. Ферстер — один из основоположников нейрохирургии, до этого неоднократно приезжавший по пригла-

Б.М. Кустодиев в мастерской художника

Поездка в Костромскую губернию

шению советского правительства в Россию, вместе с В.В. Крамером, одним из выдающихся советских невропатологов, и с Н.Н. Бурденко, основателем советской школы нейрохирургии и Института нейрохирургии, принимавший участие в лечении В.И. Ленина. К сожалению, операция не приводит к желаемому результату. Кустодиеву предлагают покинуть Россию, на что он отвечает: «Я русский, и как бы трудно нам всем сейчас здесь ни было, я никогда не покину свою Родину!»

Ф. Шаляпин, портрет которого художник пишет в 1922 г. во время его работы в Мариинском театре, позднее пишет: «Много я знал в жизни интересных, талантливых и хороших людей, но, если я когда-либо видел в человеке действительно высокий дух, так это в Кустодиеве. ... Всем известна его удивительно яркая Россия, звенящая бубенцами и масляной. Его балаганы, его купцы..., купчихи..., сдобные красавицы, ухари и молодцы – вообще все его типические русские фигуры, созданные им по воспоминаниям детства, сообщают зрителю необыкновенное чувство радости. Только неимоверная любовь... могла одарить художника такой веселой меткостью рисунка и такою аппетитной сочностью краски в неутомимом его изображении русских людей... Но многие ли знают, что сам этот веселый, радующий Кустодиев... – физически беспомощный мученик-инвалид? Нельзя без волнения думать о величии нравственной силы, которая жила в этом человеке и которую иначе нельзя назвать, как героической и доблестной».

В марте 1927 г. художник получает не только разрешение советского правительства на выезд в Германию для лечения, но и государственную субсидию на поездку. Но уехать на лечение не успевает, так как умирает 26 мая 1927 г. Похоронен Б.М. Кустодиев в Санкт-Петербурге, на кладбище Александро-Невской лавры.

М.А. Бедулина, А.Ю. Мушкин

Автопортрет (1912)

Использованная литература

1. Дворецкий Л.И. Живопись и медицина. Размышления врача о живописи и художниках. М.: Медиа Медика, 2010. 312 с.
2. Долгополов И.В. Мастера и шедевры: В трех томах. Т. III. М.: Изобраз. искусство, 1988. 784 с.
3. Николаева О.Ю. Энциклопедия русской живописи. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 496 с.
4. Фокин П.Е., Князева С.П. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX–XX веков. В трех томах. Том 2. СПб.: Амфора, 2007. 636 с.
5. Шаляпин Ф. Я был отчаянно провинциален... М.: АСТ, 2013. 480 с.